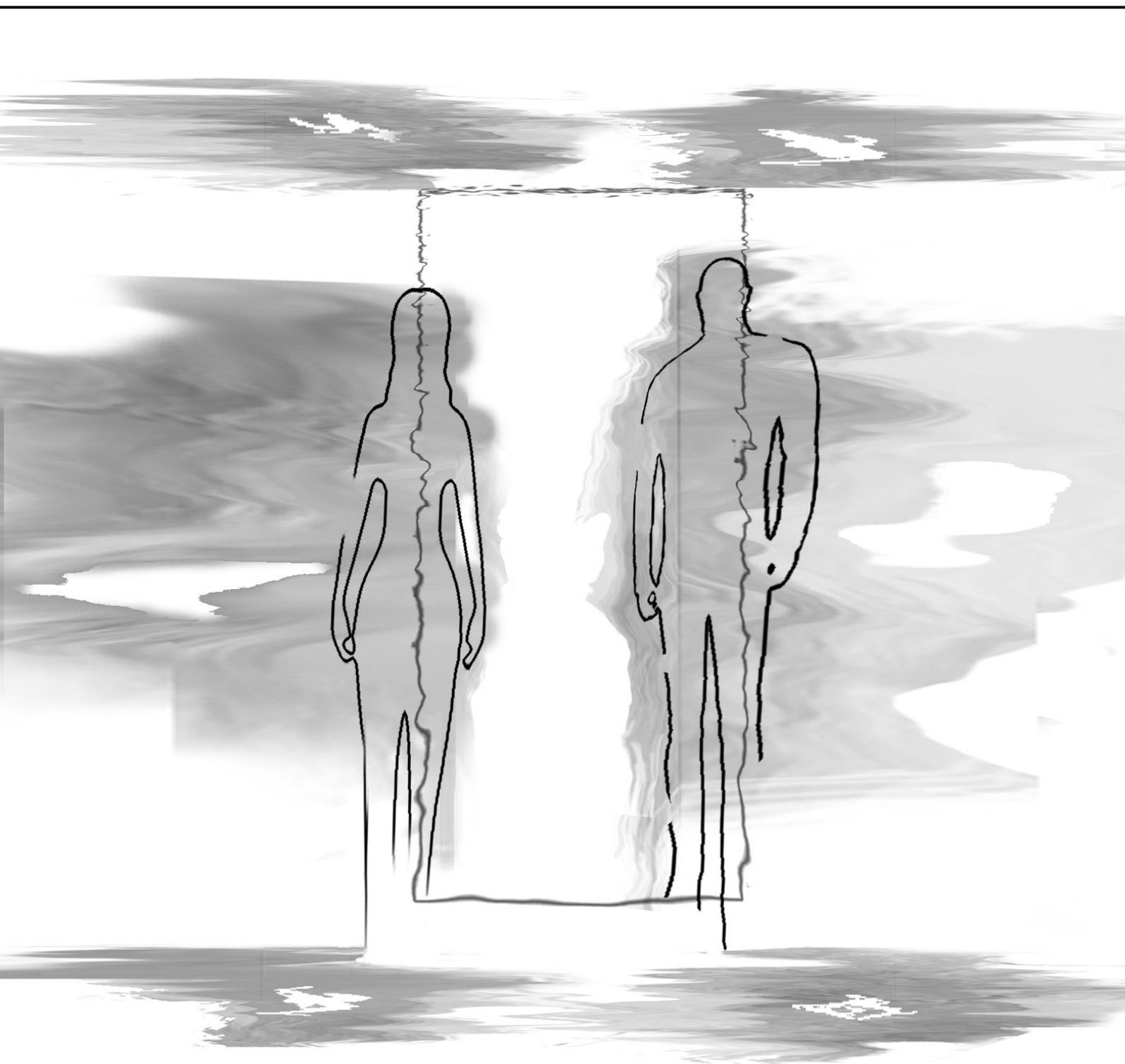

ТРУПНЫЕ ПЯТНА БУДУЩЕГО

Семен Грила

Трупные пятна будущего

Он был недостаточно умен, чтобы иметь врагов.

Оскар Уайльд

Эпизод первый

Утро было обычным, скучным. Николай медленно открыл глаза, потянулся в кровати, глядя в потолок, и сел. Что-то вчерашнее занозой торчало в нем. Он сразу почувствовал это – неприятное, вносящее дискомфорт.

Вот черт, что это было?

Он вчера бухал со старыми друзьями. Они ходили в бар. Их старый бар был жив до сих пор, и это наполняло их компанию стабильностью. Выпили много, говорили много, смеялись много. Но помнил он мало. Так всегда бывало с ним. Он путешествовал по памяти, не помня зла. Алкоголь переводил его в какое-то другое состояние, состояние не себя.

На следующий день он мучительно вспоминал, вспоминал, но удавалось это редко. Да и то это были бессвязные обрывки. Он спрашивал друзей, но они ничего необычного не говорили. Посидели, потом разошлись, вот и все воспоминания, ничего необычного.

Но он знал: было что-то еще. Нет, не знал, чувствовал и очень хотел проникнуть в это «что-то еще».

Эпизод второй

В той параллельной жизни, как она ему казалась, он ходил по подземным катакомбам с картой в поисках сокровищ. Так он помнил один и тот же сон. Когда мог вспомнить утром хоть что-то.

Он бродил и бродил по одному, похожему на другие, месту. И сон обрывался всегда от стука в дверь. Но в действительности никто не стучал. Да и двери деревянной не было. Стук ему снился.

И вот однажды он нашел. Подвернулся случай. Вернее, он сам все это устроил. Тренировался не просыпаться после стука. И получилось.

Николай открыл дверь. Там стояла очень взрослая женщина с короткими седыми волосами, в руках у нее был пакет.

– Держи, – и она протянула пакет.

Он уставился на нее. В эту секунду она повернулась и ушла. Осталось только эхо. Николааааай. И смех. Совсем еще не старой женщины.

На пакете была надпись: «Расширение сознания». Абсурд, подумал он, и сунул в пакет руку. Там было что-то теплое и липкое. Это что-то оставляло пятна. Вот они – на руках и штанах, о которые он пытался их оттереть. Да, круто тут за стуком, подумал он.

Повернувшись, он не узнал своей квартиры. Все было завалено книгами, картами, схемами, каким-то еще барахлом. Все это было бумажное. Он давно не читал бумажных книг. Ему нравилось их слушать. Теперь тут везде были полки с книгами. От пола до потолка. Стол, заваленный исписанными листками бумаги, остатками еды и кружками с недопитым то ли кофе, то ли чаем. Круто!

Николай взял один из листков. «План эвакуации при пожаре» – было написано на нем. О как! Я что, пожарный?

Эпизод третий

Зазвонил телефон. Он был красный. Телефон. С большим диском с цифрами посередине. Николай снял трубку.

– Это четырнадцатый. У нас ЧП. По протоколу ждем вашего прибытия. Как поняли?

– Понял, – ответил Николай.

– Машина внизу, – сказала трубка и отключилась.

– Охуеть, – подумал он. – Я начальник, что ли?

Он спустился. У подъезда стояла черная «Волга». Он такие в кино видел. Он открыл дверь, там сидел человек.

– Садитесь назад, – сказал он.

Николай пожал плечами и открыл следующую дверь. Там было уютно. Старые машины теплые, подумал он, домашние.

Машина дернулась, и они понеслись. Петляли, разворачивались и снова неслись. Сигналили. Резко тормозили. Потом приехали.

– Выходите, – сказал человек. – Мы поедем за другими членами комиссии.

Николай вышел. Он стоял теперь на краю кратера вулкана, как ему показалось. Много прожаренной почвы и оплавленных камней.

– Что это? – вслух подумал он.

– А вот прилетело, – ответил человек в каске и форме пожарного. – Космос или что другое. Я не знаю. Вам решать, – и человек ушел.

Николай хотел спросить, почему ему решать, но передумал. Он же не глупый. Он понимает.

Дальше было много безумных диалогов с подъезжающими членами комиссии. Долгих и пустых. Он запомнил один.

– Сколько у нас времени? – бодро спросил очередной выгруженный член комиссии, после того как «Волга» отъехала.

– До чего? – спросил Николай

– Не будьте глупцом. – ответил член. – До следующего удара.

– А это удар?

– А что это, по-вашему?

– Ну, я не знаю, может быть, метеорит.

– Вы хуже, чем кажетесь, – сказал вновь прибывший и пошел к другим.

Николай посмотрел ему в спину. Она не терпела сомнений.

Эпизод четвертый

Заседание комиссии длилось долго. Ничего не решили. Наметили продолжить завтра.

– Сограждан пока извещать не будем, – говорили они. – Мы же не знаем, с чем имеем дело, поэтому и извещать не о чем.

– Логично, – подумал Николай, возвернутый обратно в квартиру.

Он поискал еды. Ее не было. Все-таки это мир Стругацких, я сплю в их декорациях. Ну разве так можно. Зачем мне это все? Он не знал. Он чувствовал: есть что-то. Но почему он не в «Матрице», например. Почему обязательно в «Миллиарде лет до конца света». Он же никогда не хотел быть ученым и сверлить дыры в пространстве. Он гуманитарий. Он алкоголик. И все. И отъебитесь уже наконец.

Эпизод пятый

Утром появился Феоктистов.

– Ну что, старик, ты уже понял, откуда дыра?

– Ничего я не понял, закрой дверь, пожалуйста, – попросил Николай.

– Ну как же ты, сообразительный, не понял такой простой вещи, – засмеялся Феоктистов.

– Нас отвлекают?

– Ну конечно.

– А от чего?

– А вот это вопрос.

– Для тебя?

– Для тебя тоже, гуманитарий, тут воображение важнее знания.

– Хорошо, а какие пределы должны быть у воображения?

– А нет таких пределов – только ты, насколько хватит тебя самого – такие и пределы.

– Ну я не знаю, – пожал плечами Николай.

– А тут и знать нечего: начинай воображать и вообрази, я в тебя верю, старик.

Эпизод шестой

Надо сказать, что обращение «старик» нравилось не всем. Особенно молодым без иллюзий. Оно было допотопным – и потому теплым и уютным, как «Волга».

Феоктистов ушел, Николай остался. Он смотрел в стену. На треснувшую штукатурку. Старый ремонт, начал воображать он, старый дом, старый мир. Столкновение не нового, но молодого с не старым, но вечным. Где тут конфликт? Это единение. Или единение – это и есть основа такого происшествия, как та дыра.

Это не взрыв, а весенняя проталина. Примета обновления.

– Ой-ой-ой, стоп, – подумал он. – Так я креститься скоро начну. Так не пойдет. Кругом ограничения. А этого быть не должно.

Впрочем, демоны коммунизма все-таки проигрывают демонам Максвелла. У этих селективность, у тех усреднение. А что такое усреднение? Это тепловая смерть. Второй закон.

– Ух ты, как я легко и играючи раскрыл тайну популяции земной, – заговорил внутренний голос Николая, не лишенный поэтической струнки. – Таким образом, те, кто следуют за Кетле, Альфред который, являются могильщиками совсем не буржуазии, а человечества. Ух ты!

Эпизод седьмой

В дверь опять постучали.

– Я сплю еще, интересно? – подумал Николай.

За дверью стояла жена. Он твердо знал, что не женат. Но из-за двери сказали: «Жена», когда он спросил: «Кто?» Чуть не спросил, чья. Но вовремя остановился. Так продолжать с женщинами было опасно. Он открыл.

Стройная, немолодая, короткая стрижка, хорошая улыбка.

– Роза, – сказала она. – Я Роза. А ты Артур?

– Нет, я Николай, – сказал он. – Вы ищете Артура?

– Нет, – сказала она. – Просто мне нравится имя Артур.

У нее был звонкий голос. Как в сказке, подумал он.

– Я из сказки, – сказала она.

– Я не знаю такой.

– Да, – легко согласилась Роза, – она еще не написана. Может быть, вы напишете?

– А какой сюжет?

– Ну, я позвонила в дверь, он открыл, я сказала, что прилетела на том, что пробило ту дырку, о которую вы мучаетесь.

– Здорово, – сказал Николай.

– Еще бы, – сказала она.

– А дальше?

– А дальше – вы. Вы же Артур?

– Пожалуй, – согласился Николай. – Если вы Роза, то я Артур.

Они засмеялись.

Покажите, что у вас тут, – сказала она.

– Смотрите, – ответил он.

Она огляделась.

– А знаете, мы как приземлились, я сразу решила, что увижу Артура.

Он кивнул.

– А вы откуда?

– Мы? – Она задумалась, потом заплакала. – Я не помню.

– Ну вот, – огорчился он. – Не плачьте, пожалуйста, а то я не выношу этого мокрого дела. Пошло, да?

– Да нет, но поработать над фразой надо.

– Я поработаю, – согласился он.

Эпизод восьмой

– А как вам кажется – тепловая смерть грозит Вселенной? – спросил он

– Нет, – ответила Роза. – Смерть и жизнь – это вы придумали, а у Вселенной нет ни того ни другого.

– А как же Большой взрыв, расширение и дыры?

– А это всё тоже вы придумали. Вселенная же не может оперировать такими понятиями. А если рассуждать в ваших терминах, то фазовые переходы – просто смена состояний, а не начало и конец.

– Это как? – не понял он.

– А так! Ваш разум не может постичь, ибо является субъектом, для него необходимы пределы, начало, конец, жизнь, смерть, а в природе это просто смена состояний химических процессов. Бессубъектность, так сказать. Вот вы существуете?

– Вроде да, – с сомнением сказал Николай в виде Артура.

– Вот! Но я сейчас улечу, и вы перестанете для меня существовать.

– Идеализм! – сказал он. – И субъективизм!

– Вам легко жить, – улыбнулась она. – Штампы заменяют мышление. Как продукты быстрого приготовления, космическая пища.

Эпизод девятый

Эти пятна. Они размножились, хаотично расположившись на книгах и бумагах.

– А, к черту, – подумал он. – Надо что-то со всем этим делать.

Сны про поиск сокровищ нравились ему теперь гораздо больше. Больше я в эту чертову «Волгу» не сяду, решил он. И рожи эти больше видеть не хочу.

Кто-то пожалел его – и он проснулся.

Он помнил Розу и ее слова про сказку. И помнил пятна. И дыру. И бесконечность. Это было странно. Такое красивое, кристально чистое и прозрачное воспоминание.

Человечество будет усреднять, нарушать законы, которые само придумало, разрушать понятия, которые ей были дороги.

Ценности – это товар политиков. Люди, как и Вселенная, подвижны лишь сменой состояний. Смысл жизни – товар философов, бездомных прощелыг в начале всего и богатых советников политиков теперь. Они пишут книги и содержат содержание. Они ловцы человеческих душ. Ведь содержания нет, оно все придуманное и нелепое, поэтому философия жизни – это абсурд. Как там у Камю: тот, кто понял, тому смешно.

О чем это я? Николай по-прежнему лежал в кровати.

Я же никогда не читал Камю, я не знаю ничего про политиков. А уж тем более про философов. Откуда это все в моей башке?

Пятна. Это всё эти проклятые пятна. Это просто пиздец.

Эпизод десятый

В дверь постучали. Пришел Феоктистов.

– Уж лучше бы Роза, – подумал Николай. – Хорошо быть ее Артуром.